

Черняк Ирина Олеговна,
практикующий врач-педиатр,
Санкт-Петербург

Мысли старого доктора

Что такое старый доктор? Когда-то я определила для себя так: старый доктор – это когда бывшие пациенты приводят к тебе лечить своих детей. Теперь мне изредка встречаются дети моих бывших пациентов – значит, я тоже старый доктор.

Мне повезло – за свою жизнь я поработала в разных местах. И каждое новое место работы разворачивало мою специальность новой гранью. Работа врачом неотложной помощи приучила к постоянной мысли, что тебя зовут, когда плохо, значит, соображать нужно быстро. При этом, в отличие от участкового, рабочий день врача «неотложки» фиксированный.

Зато потом сбылась моя голубая мечта: я пришла работать в роддом. Здесь я училась понимать детей по интонации крика, по выражению глаз, по каким-то минимальным, едва уловимым признакам считывать сигнал неблагополучия. После своего первого крика и проведённых медиками необходимых процедур, дети обычно засыпают. Но иногда ребёнок смотрит сосредоточенно, осмысленно и долго. Этот взгляд не забыть! Так однажды посмотрел на меня мой новорожденный внук...

А потом участковый доктор. О, это совсем другая история! Тут видишь не только, как дети болеют, видишь, как они растут и развиваются. И вопросы тебе задают не только про их здоровье, но и про воспитание, интеллект, психическое и психологическое развитие. К счастью, тогда уже были переведены книги Януша Корчака «Как любить ребенка», «Король Матиуш Первый», Бенджамина Спока «Ребёнок и уход за ним», «Разговор с матерью». Появились книги Бориса и Лены Никитиных. Конечно, информация, почерпнутая из книг, – это ещё не руководство к действию, но это повод к размышлениям, порой долгим и непростым. Сейчас никого не удивишь идеей, что ребенок тоже личность. С какого времени он становится личностью? С того момента, как вы в первый раз встретились глазами? А может быть, с того момента, когда будущая мама впервые начинает ощущать в себе новую жизнь. И, между прочим, интересы и желания этой новой личности не всегда совпадают с мамиными. Когда я начинала работать, эта идея была новаторской и признавалась далеко не всеми. Важно не только признать идею, важно включить её в свое мировоззрение, а ещё – в

поведение, в жизнь. И при этом хорошо бы ещё не забыть, что мама – тоже личность, со своими потребностями и желаниями. И нельзя всю маму целиком и без остатка приносить в жертву ребенку. Да он этого, между прочим, и не простит!

Мне вспоминается мальчик Мишенька. Когда я пришла работать в поликлинику, ему было около полугода. Он уже тогда часто болел, болезни были затяжные, с длительным кашлем после выздоровления. А на втором году жизни добавились обструктивные бронхиты почти при каждом ОРЗ. В общем, кандидат в астматики. А уж когда Мишка пошел в садик, мама практически не выходила с больничных и, в конце концов, вовсе уволилась с работы. В итоге у нас обеих появилось стойкое убеждение, что дальше так продолжаться не может! Мудрая и мужественная мама мальчика Миши начала с того, что выписала все мои назначения и повесила листок на холодильник. Когда Мишка заболел и я приходила к ним, она встречала меня словами: «Вчера вечером э-н дала, а сегодня только п-л и б-н. Э-н ещё нужен?» Тогда ещё не было небулайзеров и современных фармакологических препаратов не было тоже. Самое главное, мама научилась не впадать в панику и экстренно справляться с обструкциями до прихода врача. А потом я год уговаривала её перевести Мишу в оздоровительный садик. Опасения и возражения были понятные – до оздоровительного садика идти дальше, а Миша и так все время простужается! «Ничего, оденете потеплее. Заодно прогуляется лишние полчаса, ему полезно!» К весне Мишкина мама сдалась, и я стала готовить документы для перевода в оздоровительный сад (между прочим, нужно ещё так составить выписку, чтобы у заведующей отделением не возникло возражений и направление было подписано). Осенью Мишутка отправился в новый садик, а в середине сентября заболел. Зато потом пропал до декабря. Когда в декабре на очередном вызове я спросила маму, как им это удалось не появляться врачу на глаза столь долгий для них срок, она со слезами сказала: «Нам в старом садике никогда к празднику не давали учить стихи, мол, всё равно он заболеет. А тут дали! Я предупредила, что мы часто бодем, но воспитательница ответила: «Пусть учит, в крайнем случае в другой раз расскажет». Мишка так обрадовался, что продержался без болезней два месяца!» Быть может, дело не только в этом. В оздоровительных садиках и группы меньше, и дыхательной гимнастикой с детьми занимаются, и кислородные коктейли дают – совокупность обстоятельств. В итоге Миша почти перестал болеть. Через год его мама нашла себе работу. А потом я ушла из поликлиники, так что не знаю, как сейчас поживает мой бывший пациент. Надеюсь, он пребывает в добром здравии и с его детьми (если они у него уже есть) тоже всё в полном порядке.

Вот с таким багажом я добралась до детской программы «Хэсэд Авраам». Это было совсем особенное счастье – придумывать и создавать новую программу. Моя работа делилась на три части: лечение (а попутно и поддержка молодой мамы в налаживании отношений с новорожденным потомком); обучение мамочек общению и игре с детьми, совместная подготовка и проведение праздников; занятия по развитию детей. В основном у нас были вполне обычные дети, которым было неплохо и без наших героических усилий. Некоторые дети отставали по каком-нибудь одному параметру. Чаще всего на первом году жизни мам тревожит, если их чадо начинает садиться (ползать, вставать, ходить) позже, чем у соседки (родственницы, подружки), или замечено несовпадение с написанным в книжке или в интернете. Как правило, это «ярмарка тщеславия», но иногда действительно нелишней бывает помощь ребёнку в форме весёлых упражнений, а маме – в виде дельных советов по организации детского пространства/времени. Но здесь, в «Хэсэд Авраам», я встретила и с детьми, «вышедшими» в инвалидность. Их проблемы были мне явно не «по зубам», пришлось искать помощи. Пришла помощь из Института Раннего Вмешательства (ИРав). Я бесконечно благодарна Святославу Васильевичу Довбне за его консультации, они мне помогли многое понять. С одной стороны, он тоже врач, и мы могли говорить на одном языке. С другой – он мог видеть проблему с такого ракурса, о котором я не задумывалась.

Была у нас в детской программе «Хэсэд Авраам» девочка Катюша. В семье четверо детей, она младшая. Родители обратились к нам, когда малышке было около года. По правилам программы я ходила заниматься домой к детям до 6 месяцев, но в порядке исключения Катю взяли на домашние визиты. Уж очень сложным она была ребенком: родилась недоношенной, со множественными пороками развития. Сразу после рождения – операция, потом еще три пластических. В послеоперационном периоде – две клинических смерти. Потом, конечно же, реабилитация: уколы, массажи, все как полагается. В год она не то что не садилась, на живот не переворачивалась! Даже не пыталась разговаривать – только кричала, если чего-то хотела. Передо мной стояло две задачи: как-то научить её двигаться и хоть как-то с ребёнком играть. Сколько мы с ней всяких хитрых игрушек перебрали – не сосчитать. А заинтересовалась она в результате пуговицами, привязанными к толстым шерстяным ниткам. Ради этих пуговиц даже готова была перевернуться на живот! Но ползать Катюша никак не хотела, слишком трудно ей это было. Потом двигательные терапевты в ИРаве подсказали, как сделать низенькую платформу на колёсиках. Папа сделал для своей Кати такое приспособление, и она при минимальных усилиях смогла сама передвигаться по комнате. Тогда я в первый раз услышала, как она смеется! Это был толчок в развитии девочки, после него дело сдвинулось с мертвой точки. Да, она не смогла

научиться ходить, только в ходунках. И говорит она в основном жестами, звуки получаются неразборчивые. Но родственники в основном ее понимают. Зато Катя из объекта лечения стала ребёнком, который играет, радуется, грустит, может что-то сделать для себя сам или позвать на помощь, если с чем-то не справляется.

А потом я сама стала сотрудником ИРаВа. И первые дети, с которыми стала работать, были дети с синдромом Дауна. Очень помогал накопленный предыдущий опыт. Зачастую у этих детей и у их мам такие же проблемы, как у всех других. Только в десятикратном размере. Иногда в тысячекратном. (Кстати, порой срабатывает обратный эффект: увидев гипертрофированную проблему, научаешься замечать её минимальные проявления. Но это так, к слову). Главное, проблемы те же. Тогда впервые появился мучительный вопрос – ПОЧЕМУ? Почему рождение такого ребенка повергает семью в бездну отчаяния? Кто-то переносит это легче (как правило, в ситуации ранней диагностики до родов, если мама заранее знала о рождении особого ребенка и сжилась с этой мыслью). Кто-то – долго и мучительно. Но для всех это, так или иначе, – сокрушительный удар, после которого люди могут подняться, но никогда уже не будут прежними. ПОЧЕМУ? Я смотрела на этих детей – они такие разные (как все другие дети)! У них такие же основные потребности: чтобы было тепло, сухо и сытно, чтобы понимали – по взгляду, по интонации крика, по гримасе, пока ещё заменяющей улыбку. И любили! Почему же у их мам на лицах вместо радости черные круги под глазами и следы слез? Нет, я не идеалист и не собираюсь умильно ворковать о счастье материнства, обливаясь малиновым сиропом. Я прекрасно знаю, что 3-4 бессонные ночи из-за больного животика, непонятный результат анализа или просто чье-то неосторожное слово могут превратить молодую маму в Бахчисарайский фонтан. Но это не идет ни в какое сравнение с тем крошечным адом, из которого выдираются мамы детей с синдромом Дауна. Почему?! Недорабатывают психологи, которые должны бы помочь справиться с проблемой? Но ведь проблемы ещё нет. Или всё дело в подлой организации нашей жизни, и мама такого ребенка ТОЧНО ЗНАЕТ, что проблемы у неё будут, и немереные?! Или это недоработка коллег-врачей, научившихся «рубить правду-матку», а всякие психологические «бантики-цветочки» – не их дело? Очень часто ведь важно не только **что** сказали, но и **как**. И **когда** сказали. Потому что не всё, что знаешь, нужно сразу вываливать, кое-что можно оставить при себе. Тем более очень часто врачи и сами не всё знают и понимают. Опять-таки врач должен лечить, но не всегда может вовремя остановиться. Хватит уже! Дальше организм сам справится! А ежели не хватит – успеешь добавить! Но велик соблазн – долечить как положено!

Была среди моих первых детей Даша. Девочка с синдромом Дауна, да ещё и с пороком сердца (это с ними нередко случается). И так-то у человека низкий тонус, а тут ещё гипоксия добавляется. Совсем тяжело. Но как-то двигаться надо, так что я стала ездить к ней, потихоньку учить девочку играть с игрушками, взаимодействовать с мамой и с другими людьми. Еду на очередное занятие, уже к дому подхожу, вдруг раздаётся телефонный звонок: «Мы у кардиохирурга, нам на сегодня перенесли приём». А меня заранее предупредить? Ладно, переварила. Ясное дело – кардиохирург важнее, а когда много забот, бываешь забывчивым. К шести месяцам Дашеньку прооперировали, порок зашили. Мы возобновили занятия. Как-то в очередной раз приезжаю – Дашка совсем никакая, плачет, ничего не хочет делать. Мама объясняет, что Даша устала после массажа. Опять-таки, а меня предупредить, перенести моё занятие?! Ведь через полгорода еду, свои игрушки–приспособления с собой волоку (у меня с собой, как правило, был рюкзачок 70 литров. В Институте шутили – «доктор со своим ридикулем»). Но ведь за мной не нужно было ходить, добиваться, платить. Сама пришла, да ещё и время подстраиваю, чтобы ребенок не был голодным, не хотел спать... Не получилось у нас работы. И в Институт не стали Дашу водить – далеко. И в свою районную поликлинику (там отличная лекотека была) тоже не пошли – там больные дети. Я потом пришла работать в эту поликлинику, лет до пяти Дашу видела. К пяти годам она выучилась ходить в ходунках. Говорить не пыталась – ни жестами, ни звуками – никак. Участковый доктор жаловался: если Даша заболела, осматривать её было мучением. Она всё время кричала и вырывалась. Потом семья переехала в другой район.

Зачем я рассказываю о неудачах? Чтобы не казалось, что я такой великий специалист: пришла пальцами щелкнула, и все готово – мама улыбается, ребенок развивается... Это был мучительный путь поиска, ошибок, находок, побед и поражений. У врачей иначе и не бывает. Тем, кто восхищается врачами, полезно знать – у каждого врача свое кладбище...

Несколько иначе складывается ситуация для детей и их родителей при развитии ДЦП (детский церебральный паралич). Как правило, сначала с ними всё гораздо оптимистичнее, хотя в дальнейшем их могут ждать куда более серьезные трудности. Обычно это дети от тяжелых родов, часто недоношенные или перенесшие внутриутробную инфекцию. Их не воспитывать – их спасти нужно. И их спасают: в реанимации, в отделении интенсивной терапии. День за днем, неделю за неделей. Все время что-то меняется: вот начал сам дышать, вот уже кормится через зонд, а не в капельнице, а теперь – ура! – сам сосет. Идет улучшение. И рядом всегда врачи, которые помогают, лечат, всё знают и за всё отвечают. И когда ребёнок оказывается дома, лечение продолжается, только у мамы забот становится больше.

Как заставить участкового врача ходить домой наблюдать за дальнейшим развитием ребенка? А он не может ходить к здоровому ребенку, у него 800–900 детей на участке, а не 10, как в стационаре! Как выбить массаж (да ещё опять-таки чтобы домой пришли), лекарства, физиотерапию, уколы?.. И не сразу приходит осознание, что ребенку не только лечиться, ему и жить тоже нужно. Что каждый день, отданный лечению, это день его жизни, его детства. А в детстве должны быть игры, баловство, рассматривание всякой «ерунды»: муравья, червяка, одуванчика, маминых бус. А иногда и просто ничегонеделание. Ведь это время для размышлений и переваривания информации. И бывает трудно вернуть детям их обычное «детское детство». А это очень важно даже для детей с множественными нарушениями, к которым поначалу и не знаешь, как подступиться.

В конце работы в ИРаВе, когда стало понятно, что институт расформируют и мне недолго осталось курсировать «по городам и весям», я несколько месяцев работала с Алёнкой из Сестрорецка. Формально это Курортный район Петербурга, значит, зона нашей ответственности. Девочке не повезло – она перенесла внутриутробную инфекцию с поражением легких, печени, нервной системы. У Алёнки формировались спастические параличи, было нарушено зрение, что со слухом – непонятно. Как достучаться до такого человека? В ход шли вибрирующие игрушки, мои любимые пуговицы на нитках, фольга, зашитая в разные тряпочки. К сожалению, я не большая мастерица по части шитья, но тут приходилось всё время что-то изобретать. Например, светить фонариком на металлизированный воздушный шарик или привязывать к нему бубенчики. Дуть на ладошку или рычать в неё. Петь песенки и отбивать ритм на её ручке. Я не могу сказать, что всегда здорово получалось, но иногда Алёнка улыбалась, если какая-нибудь из моих придумок ей очень нравилась. Иногда пыталась раскрыть ладошку навстречу. А порой сердилась и сжимала кулачок. А то и плакала, если что-то очень не нравилось или она очень уставала. Мало что можно было сделать за несколько месяцев, но начало контакта с большим миром состоялось. Я очень надеюсь, что потом им с мамой удалось достичь гораздо большего.

О чем я? Да все о том же. Как помочь и не унизить. Как дать возможность жить рядом, но не загонять в рамки нашей жизни. Как не лезть в чужую проблему со своим опытом и «здравым смыслом», но в то же время не отгородиться изящной бетонной стеной. Короче говоря, как остаться человеком. На врача в этой ситуации лежит особая ответственность. В отличие от социального работника или психолога у него очень четко очерчен круг профессиональных обязанностей, которые помогают структурировать общение. И в то же время этот круг охватывает огромное пространство эмоций, чувств, мыслей. Оно требует вложения души, а не только медицинских знаний. Я часто вспоминаю слова Антуана

де Сент-Экзюпери, в них моя опора и задача на будущее: «Я верю, настанет день, когда неизвестно чем больной человек отдастся в руки физиков. Не спрашивая ни о чем, эти физики возьмут у него кровь, выведут какие-то постоянные, перемножат их одно на другое. Затем, сверившись с таблицей логарифмов, они вылечат одной-единственной пилюлей. И все же, если я заболею, то обращусь к какому-нибудь старому деревенскому врачу. Он взглянет на меня уголком глаза, пощупает пульс и живот, послушает. Затем кашляет, раскурив трубку, потрет подбородок и улыбнется мне, чтобы лучше утолить боль. Разумеется, я восхищаюсь наукой, но я восхищаюсь и мудростью»¹.

¹ Антуан де Сент-Экзюпери